

советский ЭКРАН

22

1987

ноябрь

ISSN 0132-0742

избы Дуса (Н. Гундарева) и Эдуард (А. Фатюшин), просто и прочно живущие на этой земле, необычайно значимые в этом рассказе о любви и семье, однако чрезвычайно далекие от ходячих штампов «сельских тружеников». Наверное, «неформальное объединение» здешних людей в единственной сельской чайной, то бишь пивной, просты, неприкрашенных людей, в которых режиссер, вспоминая Блюка, — молча узнавал России неповторимые черты». Наверное, все то, что мы сегодня определяем одним словом — правда — и что казалось им, догматикам — семидесятикам, отходом от той «правды», какой ей подобает быть.

МОМЕНТ ГРУСТИ

Фильм «Верой и правдой» был задуман масштабным. Показать движение времени, человеческих судеб через градостроительство, а проще говоря, через жилищную проблему, **жилье** — самое кровное и близкое каждому человеку. Огромный временной отрезок. Москва от конца сороковых годов до конца семидесятых.

Экспрессивно начало картины. В первых ее кадрах в какую-то коммунальную квартиру напористо входит мрачная группа людей в штатском, с ними военные, за спиной перепуганные соседи. Обсык? Арест? Нет, совсем иной штрих времени. Мгновенно налажена военными связистами прямая связь с Кремлем, и мы слушаем разговор архитектора Минченко с самим Слюсарем Виссарионовичем. Обсуждаются детали проекта одного из высотных зданий. Генеральное указание вождя: предсмотреть в планировке детский садик. Рапорт архитектора: «В сквере мы проектируем клены и липы... Яблони? Генеральное!.. А я... я заболел ангиной. Ах... чем полосу? Я... этой... календулой! Есть полоскать армянским коньяком! Спасибо! И вас с наступающим».

Заседание МК партии. Высокие мненья вождя, его своеобразный юморок обретают здесь неукомственность директив. Скоро и точно в срок встанет этот высотный дом, «похожий на салют Победы», одна люстра в вестибюле которого обойдется akurat в стоимость школы. А за окном и вправо шумит предновогодняя, бокая, нищенски одетая, едва опомнившаяся от войны Москва; завязываются сюжетные линии киноромана; в тесной, тубообразной коммуналке снуют люди, готовят корыто-корыбельце для новорожденного младенца, «мы тут все как родные, с Метрострой». А уж коли оказалось в этой хибаре ненароком начальство по жилью, просят: «Помогите, теснота, прямо хоть караул кричи, один на другом Поможете?» «Нет...» отрезает «начальник по жилью» (Л. Марков) — В Москве больше двух миллионов так живут и хуже, в подвалах, без воды, без газа...

Вот исток и суровость заявленной сценаристом А. Червинским и А. Смирновым проблемы. Вместе со своими героями им предстояло прошагать почти тридцать лет: через подвалы и высотки, через коммуналки и «хрущобы», через дома-башни и снова коммуналки, от которых и по сей день еще не избавилась Москва. «Ты дурачок, мы тебе дадим снять такой фильм?» — сказали тогдашние руководители «Мосфильма», познакомившись с рабочим материалом картины.

Они дали снять несколько иной фильм. Увы, я не знаю досконально первоначальных архитектурных чертежей картины «Верой и правдой». Но чудные линии, нанесенные на них ответственной редактурой, отчетливо видны. И главная из этих линий, ставшая по совместительству главной линией картины, свелась к тому, что в ней победило директивное начало. Не было ошибок (так, мелочи, худые краны, низковатые потолки), была всяким раз железная, продиктованная временем необходимость. Наши градостроители тяжело, но последовательно совершали подвиг. Были трудности. Были вынужденные решения. Но всякий раз их сменяли новые правильные решения. Не было липы ошибок, вины и покаяния перед людьми и временем.

Режиссер как бы оказался в плену сразу у двух снимающихся фильмов: объективного и собственного, давшего трещину на глазах. Один требовал руки ремесленника. Другой отчаянно звал к мастеру. Наверное, именно об этом сказал мне сегодня Андрей Смирнов скупю, в одной фразе: «Я никого не виню, я все сделал сам, своими руками».

Да, в этом фильме видна и крупеющая рука мастера, осваивающего новые грани режиссуры. Здесь завали сложное человеческих характеров, увиденных в романном измерении — архитектору Минченко (А. Каллигин), строителю Крайнина (С. Шакурю), академиком Квашнина (С. Плотиныков), Клавю, которую в новом для себя актерском ключе играет Елена Прохлова. Здесь временами всхлиывает подлинная режиссерская экспрессия. Перед моими глазами стоит яростный финальный кадр первой серии: а это всего-навсего рождение первой строительной панели. И не забыть мне, как пляшет на испытательном полигоне последняя из московских плитзатяжек. Эпико-романтическое мышление. Сочетание этих красок с неожиданным гротеском, иронией, бытовью заостренности. Не сомневался, что изначально Андрей Смирнов шел к своей лучшей, наиболее масштабной и зрелой по режиссуре картине...

На вышедший фильм газеты и журналы откликнулись дружно: тематика, актуальность обьявляли. Цветисты и курьезы, как обляка, были залоговы рецензий: «Окна, обращенные к солнцу», «Эти разные лица...», «Воллощенная мечта», «Время отменить нельзя...» Хвалили тему, ее размах, сопоставляли здания и лица, солидно разбирали недостатки драматургии и режиссуры. Хвалили работы отдельных актеров. Поругивали работы тех же актеров. Но ни одним словом никто не обмолвился о лжи, вкраившейся в картину «Верой и правдой».

МОМЕНТ ВЕРЫ И ПРАВДЫ

После описанных событий Андрей Смирнов бросил режиссуру, я бы сказал: с воплем выбежал из кинорежиссуры, как покидает сцену или последнюю главу романа отчаявшийся, разуврившийся герой. Ученик Михаила Ромма решил оставить опустелую школу профессию. Перед моими глазами вновь пребывает этот изломанный путь. За пятнадцать лет: «Ангел» (на полке), «Белорусский вокзал» (в классике современного кино), «Осень» (замороженная в 1975-м, реабилитированная в 1987-м), «Верой и правдой» (заблужденная замечаниями и поправками в 1979-м)... Я проглядываю трагический маршрут и задаюсь вопросом: кто же его составитель, разработчик, автор?..

Но через барьер этих строк мне все время хочется обратиться напрямую к режиссеру Андрею Смирнову, который и сегодня живет непопранной творческой жизнью, пишет сценарии — их ставят, льсы — их играют, даже сам снимается в кино, ведет общественную жизнь уважаемого кинематографиста, сражается с недугами и благородно защищает товарищей. То мне хочется сказать ему ождужающиеся: «Не оставляйте стараний, мастер», то изъясниться куда проще: «Вернитесь к кинокамере, к режиссуре, там ваше главное место».

Подмигивая, Андруша! Наступило ваше время. Настоящих режиссеров в кино наперечет. Вновь гремит победный марш «Белорусского вокзала», надвигается навстречу нам пленительная и грустная «Осень», зал обновленного Дома кинематографистов впервые рюклетает вашему «Ангелу», снятому еще до «Белорусского вокзала», составшему из тлена, спасенному (в одной-единственной копии) монтажной-героиней, и даже ваш чудак-архитектор, потрпанный жизнью мачетал и конформист из фильма «Верой и правдой», произносит с надеждой: «Все, братцы, «коробки» кончились. Я могу свободно рисовать, как Барма и Постник».

ПОСЛЕДНИЙ ДУБЫ

Еще недавно в вашем журнале я прочитала статью Г. Горина об Андрее Миронове. В ней он говорил Андрею: «Если человека заложи хорона, ему обеспечена долгая жизнь... А Андрей отвечал: «Долгая — пусть! Главное, чтоб не скучная...» Он думал о работе, хотел играть... И вот его нет! Я не верю! Миронов будет жить и через 50 лет, и через 100! Разве можно умереть его Дон-Жуан Бендер, Фигаро? Он действительно народный артист и о нем нельзя говорить в прошедшем времени.

С. Ива
Кировская обл.

...У меня праздник. Сейчас в Доме звукозаписи на улице Ломоносова, в одной из его студий, у нас на обрести жизнь наша с композитором Евгением Крылатовым вая шуточная песня «Ну чей не паразит?». Но праздник прервал все от предвкушения всего с исполнителем песни Андреем Мироновым, милым, обаятельным, жеманеродным человеком, мечтательным актером. Я нечаянно произнес слово «праздник». Это такое, подобное чувство, тытывали все, кому приходило бывать с Андреем, — режиссер, композиторы, коллеги по сцене, съёмочной площадке. Словом, стом, улыбкаю, к месту сказанной, наконец, искренней, доброжелательностью и радением он всегда дарил знакомым и незнакомым людям, не в уже о друзьях, праздник, по что этим праздником был он...

...На запись Андрей не опоздал. Извинился: репетировал с дирижером и начался работа. Через с аппаратной, сидя рядом со мной, режиссером возле пульта, я даю за Андреем, восхваляю, как бесспорно он отвергает записанные варианты песни. — Пока не то. Не получишь. Что-то не хватает. Надеюсь, исправитесь...

И напевал новый вариант этого жестикулировал в микрофон, улыбаясь и словно бы полня роль, находясь перед мощной камерой — в кадре было жарко, он раскраснелся за, чуть грустные и иронично смелые его глаза, слезы бескислородности от возбуждения.

— Может, хватит? По-моему нормально, — сказал ему жав кнопку на пульте, композитор. — Концовка не выходит. И чего. Сейчас что-нибудь придумайте, сделаем еще одну. — попросил Андрей. Собрать с ним беспелезней мы знаем. Пока сам не будет влетворен собой, от микрофона отойдет. Не может закончить

ПАМЯТИ
АНДРЕЯ
МИРОНОВА

даже малейшей фальши, малейшей неточности.

— Извини, старик, если чуток изменю твой припев,— обращается он ко мне.— Ну буквально пару слов... Для дела надо, для образа... Кажется, я в него уже вошел.

Припев у песни, поскольку она с юмором, такой:

*О любви все твержу тебе заново,
Но когда зря твердить надоест,
Так и знай, я уеду в Иваново,
А Иваново — город невест.*

Андрей и вправду, как говорит-ся, вошел в роль героя песни. У нас на глазах происходит чудо: песня превращается в маленькую пьесу, в маленький его, мировосский, спектакль.

Интонации уже несколько иные, более озорные, что ли, даже какие-то залихватские. А в самом конце песни мы вдруг действительно слышим легкую интерпретацию, но такую характерную для него. Он, улыбаясь и подмигивая мне, поет:

*Если что... я уехал в Иваново,
А Иваново — город невест.*

Запись завершена. Андрей, еще слегка взбудораженный и неустыжший, входит к нам в аппаратную.

— Дайте, пожалуйста, послушать последний дубль,— обращается он к звукорежиссеру.

Слушает. Смотрит выжидающе на нас с Крылатовым. Крылатов поднимает большой палец. Я говорю:

— Полный порядок!

— С концовкой согласен?— спрашивает Андрей деликатно, уводя мое авторское самолюбие.

Я обнимаю его за плечи. В этом он весь: советуется, но делает по-своему, как считает нужным для пользы дела. Песня для него не хобби: к этой работе он относится так же серьезно, как ко всему, что делает. Свои песни он не поет, он их играет. Я сказал «свои песни», имея в виду, что они действительно его, от него идущие к людям, благодаря ему заслужившие общее внимание и становящиеся популярными, любимыми, известными, именно потому, что первым исполнил их он, дал им жизнь. Так случилось и с нашей песней «Ну чем мы не пара?». Так назвал Андрей и свой большой песенный диск. К сожалению, последний при его жизни...

К горлу подступает горький комок: последний при жизни... Я не поверил, не хотел верить телефонному звонку, голосу, сообщившему трагическую весть о том, что на гастролях в Риге скоропостижно, прямо в театре... Андрей Миронов? Не может быть!

Сжимается сердце. Смерть — всегда нелепость. Всегда неожиданность. Особенно такая. Ведь Андрею всего-то сорок шесть. Так мало, так мало прожито. А сколько сделано! Сколько сыграно ярких и самобытных ролей в театре и в кино! Невозможно забыть спек-

такли с его участием — «Ревизор», «Горе от ума», «Безумный день, или Женитьба Фигаро», «Интервенция», «Прощай, конферансье!» на сцене Театра сатиры. Зрители шли «на него», «на Андрея Миронова». Вот уж поистине любимец публики! Настоящий артист: пластичен, эlegantен; отличный танцор, поразительное чувство меры и такта!

И какое же счастье, что будущие поколения зрителей благодаря кино смогут увидеть Андрея в таких фильмах, как «Достояние республики», «Бриллиантовая рука», «Берегись автомобиля», «Невероятные приключения итальянцев в России», «Мой друг Иван Лапшин». Он много снимался, его охотно приглашали режиссеры, и я уверен, что работать с ним было легко и радостно, как, впрочем, и просто общаться.

...Мне давно хотелось написать об Андрее, признаться в любви к его таланту. Мы так редко это делаем. Была даже договоренность с журналом. Но эти вечные дела, эта вечная круговерть! То одно, то другое — и статья откладывалась в сторону. Наконец я понял, что ее, вероятно, нужно делать в испытанном жанре интервью. Здесь человек, если он искренен, раскрывается наиболее полно. И тогда я позвонил Андрею, сообщил ему о своей идее.

— Только ты вопросы позовыристей придумай,— услышал я в трубке знакомый голос.— Сможешь, надеюсь?

— Не сомневайся,— успокоил я его.— За этим дело не станет.

— Вот и хорошо. После гастролей в Риге обязательно встретимся...

Не встретились. Остались на листке бумаги мои вопросы, на которые он уже никогда не ответит.

Никогда не смею забыть толпы людей, пришедших к театру, чтобы проводить в последний путь своего любимого актера. Многие плакали. Так прощаются с родным, близким человеком. У него и была всенародная популярность, он при жизни был удостоен всенародной любви. А это может заслужить только очень талантливый человек, настоящая, состоявшаяся личность.

Я знаю: будут идти на экранах киноленты с его участием, будет звучать по радио и на грампластинках его голос, который не спутаешь ни с каким другим. Не хочется говорить об Андрее, употребляя глаголы прошедшего времени. Он есть. Он с нами. Прекрасный, выдающийся актер, наш современник, наш товарищ, человек-праздник.

**Михаил ПЛЯЦКОВСКИЙ,
Лауреат премии
Ленинского комсомола**

Фото В. Петербургского

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГР РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская. 20; тел. для справок: (3532) 60-61-30